

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ ВОЛЬЧИК,

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖУК,

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: zhukaa@sfedu.ru;*

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ФУРСА,

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: efursa@sfedu.ru*

Цитирование: Вольчик, В. В., Жук, А. А., Фурса, Е. В. (2021). Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки // *Journal of Institutional Studies*, 13(1), 135-155. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.135-155

Настоящая статья посвящена анализу функционирования неэффективных институтов в сфере высшего образования и науки в России. Эти институты идентифицируются авторами как институциональные ловушки, представляющие собой устойчивые неэффективные правила и практики, негативно влияющие на реформирование исследуемой сферы. Одной из значимых проблем изучения институциональных ловушек и механизмов их преодоления является отсутствие методологической базы систематического институционального мониторинга, который бы предполагал проведение на регулярной основе качественных и количественных исследований, отражающих точки зрения представителей всех сторон, затрагиваемых последствиями проводимых реформ – акторов системы высшего образования и науки. Частично для решения этой проблемы и создания методологической базы для изучения институциональных ловушек в системе высшего образования и науки использовались глубинные интервью и фокус-групповая методика среди научно-педагогических работников Южного федерального университета. Использование этих методик позволило углубить анализ институциональных ловушек, а также разработать механизмы их преодоления на основе выявления мнения, установок акторов, их конкретного опыта, с помощью групповой дискуссии. Респондентам, участвующим в исследовании, предлагалось к обсуждению шесть институциональных ловушек в сфере образования и науки, ранее идентифицированных авторами: ловушка метрик, ловушка возрастающей бюрократии, ловушка дефицита финансирования, ловушка редукации качества образования, ловушка кадрового потенциала и ловушка цифровизации и электронизации.

Ключевые слова: институциональная ловушка; сфера высшего образования и науки; институциональная экономика; механизмы регулирования; образовательная политика

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант №18-010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки».

THE WAYS TO COME OVER THE INSTITUTIONAL TRAPS OF HIGHER EDUCATION AND SCIENCE SPHERE

VYACHESLAV V. VOLCHIK,

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

ALEKSANDR A. ZHUK,

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: zhukaa@sfedu.ru;*

ELENA V. FURSA,

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: efursa@sfedu.ru*

Citation: Volchik, V. V., Zhuk, A. A., Fursa, E. V. (2021). The ways to come over the institutional traps of higher education and science sphere. *Journal of Institutional Studies*, 13(1), 135-155. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.135-155

The present paper is devoted to the Russian ineffective higher education and science institutions functioning study and analysis. We consider such institutions to be institutional traps, which are identified as sustainable inefficient rules and practices with the negative impact for education and science sphere reforms and transformations. The lack of the methodology base for regular institutional monitoring is one of the reasonable issues to institutional traps study. Such institutional monitoring should consist of qualitative and quantitative studies to find out the higher education and science sphere representatives points of view on the reforms results. To find out the solution and to improve the research methodology we used in-depth interview surveys and focus group discussions with lecturers and scientists of the Southern Federal University. This methodology let us to improve the institutional traps study and to design the way to come over the difficulties and barriers considering the ideas and experience of the sphere representatives. The responders involved in the present research were suggested by the six following institutional traps to discuss: the metric's trap, the trap of raising level of bureaucracy, the trap of shortage of financing, the quality of education decline trap, the trap of staff capacity and the electronization and digitalization trap.

Keywords: institutional trap; lock-in effect; higher education and science sphere; institutional economics; management approach; educational policy

Acknowledgements: this publication is prepared in the framework of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-010-00581) «Institutional traps of optimization of the sphere of education and science».

JEL: B52, Z10, Z13

Постановка проблемы

Институциональные изменения в сфере образования и науки в постсоветский период значительно повлияли на порядок осуществления образовательной и научной деятельности. В ходе реформ были введена система двухуровневой подготовки – бакалавр и магистр, созданы институты, ориентированные на рынок образовательных услуг, значительно изменились социальные статусы профессуры и научных работников. Но самое главное, произошла значительная трансформация самой институциональной среды академической сферы, что было связано с изменениями социальных ценностей и моделей поведения основных акторов (Вольчик, Кривошеева-Медянцева, 2016).

Одной из целей реформ высшего образования и науки было повышение эффективности. Однако традиционные экономические подходы к определению эффективности часто не применимы в общественном секторе. Безусловно, существуют подходы и показатели для определения эффективности расходов в общественном секторе (Afonso, Schuknecht, Tanzi, 2005), но мы хотим подчеркнуть два аспекта, во-первых, что сложно определить влияние и направления расходов в общественном секторе на результаты, а во-вторых, что специфика производимых благ такова, что многие из них трудно или невозможно свести к торгуемым частным благам (Тамбовцев, 2018). Высшее образование и научная деятельность даже при существовании рыночных сегментов часто не могут оцениваться через показатели прибыли, доли рынка или роста выручки. Поэтому в сфере высшего образования и науки цены и рыночные сигналы выполняют ограниченную координационную функцию. В таких условиях институты и механизмы регулирования играют ведущую роль при координации детальности между акторами.

В ходе эволюции институциональной структуры не всегда отбираются и длительно функционируют только эффективные институты. Критерием эффективности институтов можно считать возможность их снижать транзакционные издержки (North, 1990), а также способствовать интенсификации повторяющихся экономических и организационных взаимодействий (Вольчик, 2004).

Неэффективные или субоптимальные институты должны рассматриваться в сравнительном контексте в плане влияния на структурирование повторяющихся взаимодействий.

Идентификация неэффективных институтов, которые мы рассматриваем как институциональные ловушки, основана на качественных исследованиях институциональной динамики в высшей школе. Институциональные ловушки сформировались эволюционно и в ходе реализации мер государственной политики. Также формирование и изменение институтов зависят от действий групп интересов.

В настоящее время российская система высшего образования и науки сталкивается со значительными вызовами, которые связаны с сохранением мирового уровня образования и исследований. Однако развитие науки и образования в российских условиях сталкивается со значительными ресурсными и институциональными ограничениями. Доля затрат на исследования и разработки в российском ВВП находится на уровне 1%, что ниже не только показателей развитых стран, но и многих развивающихся.

Преодоление институциональных ловушек также связано с проблемой консолидации академического сообщества в плане отстаивания своих интересов, пропаганды академических ценностей и популяризации научных достижений. Для развития эффективных институтов необходимо, чтобы российское общество воспринимало идеи о ценности и важности образования и науки для устойчивого развития всех сфер социального порядка.

Существующие институты обладают значительной инерционностью – это связано как со сложностями отмены формальных нормативных актов, но более с инерционностью мышления и ментальных установок (North, 2005), которым привыкли следовать акторы в той или иной сфере деятельности. За годы постсоветского развития российской сферы образования и науки сформировались устойчивые модели поведения на различных уровнях организационных иерархий, которые трудно изменить без создания значимых альтернативных стимулов.

Для формирования действенных механизмов преодоления институциональных ловушек необходимо понимание их генезиса, заинтересованных групп в их функционировании, а

также распределительных эффектов в плане доходов и иных ресурсов (включая неявные формы стимулирования, например рейтинги, индексы и целевые показатели). Понимание институциональных ловушек связано с источниками информации об их функционировании, а также социального контекста, в котором происходит интерпретация правил и норм акторами в процессе своей профессиональной деятельности (Вольчик, 2020).

Взаимовлияние проводимых реформ и институтов можно рассматривать как эволюционный процесс. Поэтому многие аспекты функционирования организаций и взаимодействия акторов в процессе производства и распространения знаний не имеют причинно-следственного дедуктивного объяснения, предполагающего возможность точного моделирования и прогнозирования происходящих процессов. Все эти проблемы связаны с неэргодичностью социально-экономических систем (North, 2005; Arthur, 2013).

Неэргодичность как фундаментальное свойство адаптивных сложных систем также должна учитываться при формировании исследовательской программы институциональных ловушек. Действия акторов в адаптивно-сложных системах часто не позволяют следовать моделям поведения, основанным на копировании поведенческих паттернов. Акторы, принимающие решения, вынуждены опираться на свой опыт, а также учитывать «запас» накопленных правил и норм, который связан с той или иной сферой деятельности или организацией.

Между разработчиками реформ и акторами существует определенная асимметрия информации, которая усугубляется низкими показателями доверия (Volchik, Maslyukova, 2019). Многие акторы не соблюдают внедряемые правила не потому, что ведут себя оппортунистически, а скорее потому, что не точно знают меняющихся норм и не успевают следить за их изменениями. Как отмечает известный историк российского образования Г. Грэхэм: «Предприниматели, профессура университетов, государственные служащие — все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» (Грэхэм, 2014, с. 174).

Почему устойчивы неэффективные институты

На современном этапе развития социально-экономических процессов становится очевидным, что без влияния субъектов рынка процесс институционализации не происходит, а эффект зависимости от предшествующей траектории развития (David, 1985; Arthur, 1989) особенно остро ощущается в постсоветских странах, испытавших значительный разрыв в процессе становления институтов рынка и, по сути, формировавшихся заново в противовес разрушающейся системы институтов функционирования плановой экономики. Формирование институтов в экономике, выявление источников вновь создаваемых институтов уже долгое время активно и широко дискутируются учеными разных стран на страницах журналов и монографий, посвященных вопросам институционального строительства.

В англоязычном научном пространстве исследования эффектов блокировки в процессе эволюции экономических институтов как проводились достаточно активно в конце прошлого века, так и продолжают в настоящее время, и посвящены проблемам различных отраслей экономики. В частности, «эффект блокировки» моделировали для описания поведения предпринимателей при старте новых бизнес проектов (Chari, Golosov, Tsyvinski, 2003), при анализе прироста и развития капитала (Klein, 1998; Yamazaki, 1996; Yitzhaki, 1979; Beazer, 1966) при описании эволюции ряда экономических институтов (Foxon, 2002; Wenting, Frenken, 2011). Неудивительно, что на этом фоне в русскоязычной экономической науке как грибы стали расти научные исследования, посвященные трансплантации (Полтерович, 2001) экономических институтов в национальную институциональную среду, их импорту (Лесных, 2008), заимствованию и выращиванию (Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин, 2005). Также в отечественной науке проводились исследования по самостоятельному проектированию (Тамбовцев, 1997) институтов, даже «селекции и протезированию» (Клейнер, 2005) институтов, трансферту институтов от системы донора в институциональную систему реципиента (Олейник, 2005), а также привычными и широко распространенными в отечественной экономической науке

категориями институционализации (Белокрылова, 2006), модернизации институтов, эволюции институтов (Вольчик, 2004), а в итоге даже эволюционной модернизации.

Провалы строительства отечественной институциональной среды

В. А. Мальгин полагает, что к «импорту институтов прибегают в основном развивающиеся страны», но, несмотря на это, «Россия на рубеже веков предпочла именно этот путь строительства собственной институциональной среды» (Мальгин, 2007, с. 32). Однако сам процесс «импорта» осуществлялся без должного системного анализа выгод и издержек от введения новых институтов, а также при отсутствии четких критериев отбора институтов для импорта», что «часто приводило к снижению их эффективности или вовсе отторжению» (Мальгин, 2007, с. 32). Лесных В. В. и Попов Е. В. допускают импорт институтов наряду с их естественной эволюцией, а сам процесс импорта институтов понимают как «радикальные изменения в формальных правилах взаимодействия субъектов на основе ориентации на уже известные образцы», при этом «процесс импорта необходимо рассматривать как длительный и сложный путь развития институционального строительства (генезис) с учётом опыта других социальных систем» (Лесных, Попов, 2008).

Однако, не подвергая сомнению качество и эффективность сложившихся и функционирующих зарубежных механизмов, необходимо понимать «условия успешности импорта институтов в новую для них организационно-правовую и социально-культурную среду» (Пахомова, Мальшков, 2012), иначе «массовый импорт институтов будет приводить к формированию стабильных неэффективных состояний, известных как институциональные ловушки» (Багдасарьян, Миронова, 2017), и следствием этого станет регресс вместо ожидаемого прогресса.

Клейнер Г. Б. развивает идею выращивания институтов и предлагает схему процесса формирования нового института, состоящую из 7 этапов, а также отмечает, что при формировании институтов необходимо опираться на системный подход, учитывая необходимый временной лаг на укоренение института в обществе, неразрывную связь между институтом и высшими ценностями общества, а также возможность видоизменения института в будущем в соответствии с развитием общества (Клейнер, 2005).

Подход к выращиванию собственных институтов вызывает достаточно широкие и обоснованные сомнения у Цирель С. В. В частности, российская экономика, характеризующаяся «умеренно-авторитарной властью; обширным, но бессистемным вмешательством государства в экономику; отсутствием гражданского общества и широким распространением теневой экономики и коррупции ... вряд ли может обеспечить выращивание новых эффективных институтов в ближайшем будущем» (Цирель, 2005).

Несколько иное видение становления и развития институтов демонстрирует подход Тамбовцева В. Л., который полагает, что в период крупномасштабных преобразований возрастает роль искусственных, осознанно формируемых институтов. «Сознательное формирование нового института – разновидность планируемой культурной инновации» (Тамбовцев, 1997).

Курбатова М. В. и Левин С. Н. проанализировали внедрение эффективного контракта как новой формы организации взаимодействия работодатель – наемный работник в сфере высшего образования и науки с позиций институционального проектирования, что позволило выявить «институциональный проект создания оптимизированной по финансовым показателям иерархически управляемой отраслевой системы производства образовательных услуг» (Курбатова, Левин, 2013, с. 75), что в итоге приведет к «ограничению доступности образовательных услуг вследствие коммерциализации при одновременном снижении их качества, ухудшение экономического положения преподавателей вузов в результате роста интенсивности их деятельности, формализации, сокращения размеров академического вознаграждения, свертывания академических свобод и дальнейшего ухудшения условий академического развития» (Курбатова, Левин, 2013, с. 76–77).

Несколько уточняет модель импорта институтов Олейник А. Н. По его мнению, эффективность оригинального института, заимствованного извне, в институциональной среде реципиента ограничивается особенными и нетождественными оригинальным неформальными институтами, искажающими функционирование исходного института в новой институциональной

среде. По мнению автора, это происходит отнюдь не случайно, а вполне осознанно, так как «институциональный трансферт нацелен на максимизацию индивидуальных и групповых предпочтений бюрократов...» (Олейник, 2005, с. 440–441). Именно такое поведение в итоге выступает фактором, ограничивающим эффективность проведения реформ в угоду интересам группы лиц, наделенных властными полномочиями.

Динамические и структурные аспекты нестабильности институтов

Стабильность экономического института является необходимым фактором для рыночных агентов и их склонности к координации в рамках данного института. В обратной ситуации нестабильности акторы рынка сталкиваются с проблемой несвоевременной адаптации к системам институциональной координации при их регулярных изменениях, что приводит к неопределенности и даже хаосу (Белокрылова, Жук, 2007, с. 27; Жук, 2011, с. 48) при координации в соответствии с подобными институтами.

Фактически государство монополизирует систему и процесс институционализации, концентрируя в своих руках источники инициации подобных изменений, а также агентов, непосредственно участвующих в данном процессе. Более того, каждый функционирующий институт государства имеет возможность видоизменить путем внедрения дополнительных норм и правил через государственные стандарты, требования и т.д. Изменения в законодательные и нормативные акты вносятся постоянно, создавая ситуацию, когда рыночные агенты, попросту не успевая адаптировать свое поведение к новым реалиям, сталкиваются с лавинами нововведений. Постоянная трансформация не обошла стороной и сферу образования и науки России (Жук, Фурса, 2019), что в итоге привело к появлению ряда институциональных ловушек, выход из которых мы теперь кропотливо ищем.

Отмеченная выше динамика институтов приводит к негативным последствиям в институциональной структуре, где начинают доминировать институты неформальные, которые становятся более предпочтительными для координации рыночными агентами как обеспечивающие меньшие трансакционные издержки, что в свою очередь генерирует институциональные ловушки.

Так по какой причине институциональные ловушки, представляя собой неэффективные институты, более устойчивы, чем эффективные формальные институты? На наш взгляд, ответ на этот вопрос кроется в источниках генезиса и функционирования экономических институтов. Формальные институты по большей части формируются путем внешнего часто насильственного воздействия без учета позиции рыночных агентов касательно производимых изменений. Государство, по сути, принимает решение и видоизменяет вектор координации рыночным агентам часто совершенно без учета их позиции касательно подобных нововведений. Также государство нечасто осуществляет тестирование нововведений на эффективность, приемлемость и востребованность акторами рынка. Другими словами, институциональные изменения для рыночных агентов происходят в формате революционных изменений, которые, очевидно, всячески отторгаются.

Институциональные ловушки, которые фактически функционируют в формате неформальных институтов, представляют собой продукт эволюции, который заведомо воспринимается рыночными акторами как приемлемая система координат, отвечающая их рыночным интересам. В итоге противодействие регулятора и рыночных акторов приводит к тому, что регулятор активно трансформирует формальные институты с целью принудить акторов рынка к координации в соответствии с формальными правилами, что, в свою очередь, усиливает нестабильность института. В это же время неформальный институт (институциональная ловушка) плавно реагирует на изменения в формальном и остается основной системой координат для вовлеченных рыночных акторов.

Методы и используемые данные

В процессе наших исследований институциональных ловушек был сделан акцент на углублении их понимания, для чего были собраны качественные данные. В данной статье мы основываемся на материалах глубинных интервью и фокус-групп, проведенных среди научно-педагогических работников (НПР) Южного федерального университета.

В ходе исследования было проведено 20 глубинных интервью в 2019 г. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения (Квале, 2003, с. 106–108) методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples) (Бейкер Р. et al., 2016, р. 74), среди сотрудников, работающих по различным направлениям науки и образования

На следующем этапе исследования были проведены три онлайн фокус-группы с использованием корпоративной платформы Microsoft Teams (16, 17 и 18 июня 2020 г.) в режиме реального времени (чат-группы). Репрезентативная выборка акторов сферы образования и науки формировалась путем целевого отбора респондентов, работающих на различных факультетах ЮФУ, в том числе гуманитарных и естественнонаучных, а также других специальностей. Данные были проанализированы по группам, индивидуально и по дням исследования. В исследовании приняли участие 36 человек, из них 26 – мужчины, 16 – женщины; 16 респондентов в возрасте до 30 лет включительно – 3 человека, от 31 до 45 лет – 17 человек, от 46 до 60 лет – 12 человек, 61 год и старше – 4 человека. Среди научно-педагогических работников, принявших участие в исследовании, ученые звания профессора имеют 6 работников, доцента – 15 человек, без звания – 15 человек. В выборке доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень доктора наук – 30,6% (11 человек), кандидата наук – 63,9% (23 человека) без степени – 5,5% (2 человека). Распределение респондентов по направлениям науки и образования выглядит следующим образом: 17 респондентов – гуманитарные и социально-экономические направление, 9 – естественно-научное и физико-математическое, 3 – архитектура и искусство, 6 – педагогика и психология, 1 – инженерное направление.

Институты и механизмы регулирования для противодействия институциональным ловушкам в сфере образования и науки

Использование фокус-групповой методики позволило выявить ключевые группы интересов, углубить анализ институциональных ловушек, а также разработать механизмы их преодоления на основе выявления мнения, установок акторов, их конкретного опыта с помощью групповой дискуссии, которую проводили модераторы по заранее составленному гайду, в соответствии с целями исследования.

Респондентам, участвующим в каждой фокус-группе, предлагалось к обсуждению шесть институциональных ловушек в сфере образования и науки, ранее идентифицированных с использованием нарративного анализа и глубинных интервью (Вольчик, 2019; Жук, Фурса, 2019). Благодаря этим исследованиям о реформировании и оптимизации сферы высшего образования и науки были детерминированы следующие институциональные ловушки: ловушка метрик, ловушка возрастающей бюрократии, ловушка дефицита финансирования, ловушка редукции качества образования, ловушка кадрового потенциала и ловушка цифровизации и электронизации.

Для наглядного представления результаты данного исследования, касающиеся мнения акторов сферы высшего образования и науки об институциональных ловушках и механизмах их преодоления, были систематизированы в таблице 1, позволяющей определить какие проблемы порождают институциональные ловушки и как их можно нивелировать.

Проведенный анализ дискурса акторов, участвующих в фокус-группах, показал, что практически все респонденты отмечают тормозящее влияние институциональных ловушек на развитие сферы высшего образования и науки, которое снижает эффективность их деятельности, а также препятствует созданию социальной среды для воспроизводства человеческого потенциала. Особенно негативную роль оказывают такие институциональные ловушки как *ловушка метрик*, *ловушка возрастающей бюрократии*, которые в свою очередь частично порождают другие институциональные ловушки.

Характерной чертой реформирования и оптимизации сферы высшего образования и науки стало введение и использование различных количественных показателей для регулирования оценки деятельности научно-образовательных учреждений, а также преподавателей и ученых. С одной стороны, введение количественных показателей порождает конкуренцию между преподавателями, учеными, научно-образовательными учреждениями, создает некоторую мотивацию к их деятельности, но, с другой стороны, это конкуренция носит формальный и субъективный характер.

Таблица 1

Институциональные ловушки в сфере образования и науки и механизмы их преодоления

Название ловушки	Характеристики	Причины неэффективности и обострения противоречий	Механизмы преодоления
Ловушка метрик	<ul style="list-style-type: none"> • введение и использование различных количественных показателей для регулирования и оценки деятельности ННПР, вузов и т.д. 	<ul style="list-style-type: none"> • единые метрики к различным направлениям науки и образования (без учета специфики); • нестабильность критериев оценки, количественных показателей; • отсутствие доверия к ученым и преподавателям; • противоречие между отчетными показателями и реальной деятельностью преподавателей и ученых; • фальсификация и имитация показателей рейтинга; • субъективность рейтинговых оценок; • формальная оценка деятельности ННПР 	<ul style="list-style-type: none"> • введение дифференцированного подхода к оценке деятельности различных направлений подготовки и исследований; • самоуправление на уровне локальных объединений и учреждений, разработка и введение собственных метрик; • дополнение формальных показателей нематериальными для оценки деятельности ННПР; • долгосрочное планирование научно-образовательной деятельности с определением ресурсной базы и ответственных лиц; • расширение академических свобод преподавателей и ученых
Ловушка возрастающей бюрократии	<ul style="list-style-type: none"> • усиление контроля и отчетности со стороны чиновников, менеджеров; • непрерывный рост новых приказов, распоряжений и других документов, регулирующих научно-образовательную деятельность 	<ul style="list-style-type: none"> • внедрение определенных управленческих технологий, связанных с неолиберальной доктриной; • проблемы обратной связи между управленцами и акторами в сфере образования и науки; • зарегулированность научно-образовательной деятельности различными управленческими директивами; • снижение мотивации ННПР к научной и образовательной деятельности; • непрерывный рост трудозатрат для выполнения отчетной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> • разработка адекватного алгоритма взаимодействия между акторами профессионального сообщества и управленцами; • использование имитационной практики как одного из способов защиты от бюрократизации; • введение и расширение электронного документооборота; • расширение автономии в выборе лучших управленческих практик; • введение квоты на количество отчетов; • включение нагрузки по выполнению отчетной деятельности и ведению документооборота в индивидуальные планы преподавателей; • создание штабных единиц на факультетах и кафедрах, занимающихся документооборотом и отчетностью

Продолжение табл. 1

Название ловушки	Характеристики	Причины неэффективности и обострения противоречий	Механизмы преодоления
Ловушка дефицита финансирования	<ul style="list-style-type: none"> сокращение финансирования по отдельным направлениям образования и науки; нормативно-подушное финансирование; маркетингизация высшего образования; сокращение количества фондов, финансирующих грантовые исследования; устаревшее оборудование и лабораторные базы исследования 	<ul style="list-style-type: none"> конфликт между рыночными критериями оценки эффективности вузов и их социальными функциями; нормативно-подушное финансирование, которое отражает зависимость количества обучаемых студентов на одного преподавателя 	<ul style="list-style-type: none"> оптимизация финансовых средств, которые имеются в университете (сокращение расходов на непрофильные нужды); увеличение финансирования науки и образования; увеличение количества фондов, оказывающих грантовую поддержку научным исследованиям; отменить или изменить количественные критерии нормативно-подушного финансирования в сфере высшего образования
Ловушка редуцции качества образования	<ul style="list-style-type: none"> переход от специалитета к бакалавриату и магистратуре; редукция ценности личности преподавателя; увеличение количества часов самостоятельной работы студентов; загруженность преподавателя снижение уровня подготовки выпускников школ 	<ul style="list-style-type: none"> процесс девальвации смыслов; имитационная модель поведения НПП (оппортунистическое поведение); снижение аудиторных часов и рост количества часов самостоятельной работы; несогласованность различных уровней образования; система доучивания, дополнительная работа со студентами-первокурсниками; обучение в магистратуре студентов непрофильных специальностей, имеющих различный уровень подготовки; нормативно-подушное финансирование и сложности в отчислении неуспевающих студентов 	<ul style="list-style-type: none"> ужесточение требований к студентам, их отношению к учебе, пересмотр системы аттестации студентов; снижение бюрократической загруженности преподавателей; отмена или изменение количественных критериев нормативно-подушного финансирования в сфере высшего образования и науки; расширение академических свобод НПП;
Ловушка кадрового потенциала	<ul style="list-style-type: none"> разрушение преемственности научных школ сохранения и передачи опыта, знаний будущим поколениям; снижение мотивации молодых ученых к научно-образовательной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> несовершенная система замещения вакантных должностей ППС; отсутствие стабильности в выбранной профессии; проблема защиты диссертаций (сокращение количества диссертационных советов); низкая заработная плата, малая стипендия для привлечения молодых специалистов 	<ul style="list-style-type: none"> создание стабильных условий для работы молодых специалистов; повышение заработной платы для преподавателей и ученых, сопоставимой с интеллектуальными, физическими и материальными затратами для реализации соответствующей деятельности; помощь в решении жилищного вопроса для молодых специалистов; стимулирующие надбавки для молодых специалистов

Окончание табл. 1

Название ловушки	Характеристики	Причины неэффективности и обострения противоречий	Механизмы преодоления
Ловушка цифровизации и электронизации	дистанционная работа, онлайн-обучение, онлайн-курсы	<ul style="list-style-type: none"> • внедрение цифровых технологий еще меньше времени оставляет для научно-образовательной деятельности (дублирование электронных документов, бумажных и др.); • в естественных науках невозможно работать дистанционно в лабораториях; • проблема проведения летних практик; • дополнительные финансовые вложения (закупка техники, изменение инфраструктуры и др.); • утрата неявного знания от преподавателя к студенту; • сокращение аудиторной нагрузки, и как следствие, сокращение ППС; • сложности контроля и оценки знаний студентов; • низкий уровень обратной связи от студентов во время онлайн-лекций 	<ul style="list-style-type: none"> • дистанционное форма образования может реализовываться через курсы повышения квалификации или как дополнительное образование но не как основное образование (дифференцированный подход к разным специальностям и направлениям подготовки); • нормативно-правовое регулирование процесса цифровизации и электронизации высшего образования

В некоторых случаях ловушка порождает фальсификацию, имитацию показателей, вынуждая акторов проявлять либо оппортунистическое поведение, либо послушание (Вольчик, Фурса, Оганесян, Кривошеева-Медянцева, 2016). Рассмотрим фрагмент обсуждения в фокусах-группах, который содержит высказывания о негативном влиянии институциональной ловушки метрик на деятельность преподавателей и ученых.

«... когда результат деятельности, какая-то награда за деятельность становится ведущим мотивом, то сама деятельность воспринимается как препятствие к этому результату. Вот оттуда берётся фальсификация, имитация и т.д. То есть мы понимаем, что научно-педагогическая деятельность требует вовлеченности, да, я могу сляпать статью, извините за жаргон, так быстренько, чтобы какой-то показатель получить – это будет ерунда, понимаете, вот сейчас, может быть, я где-то выиграю в этом показателе, но я понимаю, чтобы написать хорошую статью, я 3 года должна проводить исследования» (профессор, обществ науки, 50 лет).

Очень многие респонденты отмечают субъективный характер количественных показателей, разработанных для регулирования и оценки деятельности научно-образовательных учреждений и научно-педагогических работников. Респонденты обращали внимание модераторов на то, что разработку таких показателей должны осуществлять эксперты или экспертные группы, которые являются специалистами для каждой из областей, необходимо выработать четкие объективные критерии отбора. *«...имея высокий рейтинг, имея публикации Scopus, учебники с грифом Минвуза, я выхожу на конкурс и проигрываю, выигрывает тот, у кого вообще нет публикаций такого уровня, нет опыта и т.д. Ситуация везде одинаковая, то есть достойные люди не могут выиграть конкурс, побеждает клановость, группировка, которая имеется, никто ее не отменял, она везде имеется, в каждом подразделении. От соотношения этих группировок в каждом совете зависит судьба преподавателя, а вообще может быть и судьба тех направлений подготовки наших студентов и научных направлений» (доцент, естествен. науки, 67 лет).*

Ловушка метрик как неэффективный институт устойчиво функционирует в сфере образования и науки, проявляя свою нестабильность, противоречивость и неэффективность (табл. 1). Следующие примеры обсуждения в фокус-группах наглядно отражают некоторые причины неэффективности и противоречий:

«Присутствует чехарда с изменением условий рейтинговых баллов – каждый год меняются условия, то есть, допустим, у тебя изданы учебники с грифом Министерства образования, они имеют очень высокий балл, ты потратил на него силы, здоровье, время и даже финансы. Поэтому не было у тебя времени написать в это время скопусовскую статью, зная, что ты получишь очень хороший балл за это. А при следующих изменениях в рейтинге другие показатели перекрывают этот показатель значительно. Наконец-то, нужно остановить чехарду изменения вот этих ценностных показателей в системе оценки баллов преподавателей и научных работников» (доцент, естествен. науки, 67 лет).

«И есть качества, которые относятся к категории интуитивного – здесь возникает такой конфликт или противоречие между вот этими отчётными показателями и интуитивным пониманием того, что эти показатели недостаточно отражают качество нашей работы или не все сферы нашей деятельности учитывают, вот в этом я вижу проблему» (доцент, естествен. науки 42 года).

Преодоление институциональной ловушки метрик, согласно мнению большинства респондентов, участвующих в фокус-группах, необходимо начинать с введения дифференцированного подхода к оценке деятельности различных направлений подготовки и исследований. Так, акторы отмечают, что необходимо вводить количественные критерии исходя из специфики того или иного направления научно-образовательной деятельности. *«На мой взгляд, безусловно, существует эта проблема, но ее решение лежит в плоскости больше диверсификации так скажем этих показателей относительно деятельности различных сфер образования. Для гуманитариев должны быть одни критерии существующих метрик, для технических специальностей должны быть несколько другие показатели, критерии оценки» (доцент, обществ. науки, 34 года).*

Кроме того, для решения проблем ловушки метрик следует развивать новые организационные рутины, которые изначально будут формироваться на уровне локальных научно-образовательных учреждений, учитывая их специфику. Респонденты отмечают, что многие вопросы, связанные с оценкой деятельности преподавателей и ученых, университет может решать на уровне ректората, учебно-методических советов, специальных рабочих групп. Также университетское сообщество в виде Совета ректоров может инициировать изменение ряда количественных показателей для Министерства науки и высшего образования РФ. Подобный механизм преодоления ловушки метрик через самоуправление в свою очередь нуждается в расширении академических свобод для преподавателей и ученых.

«Дело в том, что преодоление ловушки метрик, возможно несколькими путями, но преодолевая, мы попадаем в другие ловушки, например, ловушку финансирования. Так, если вуз не будет соответствовать определенным метрикам, то не получит соответствующее финансирование. Конечно, более реалистично в этом случае, это саморегулирование, самоуправление на уровне каких-то локальных объединений, попытка самоорганизоваться и предложить свои метрики может быть в рамках направлений вузов или советов вузов Ростовской области. Есть такие структуры, в которых ректоры собираются и потом уже с этими предложениями выходят на федеральный уровень» (доцент, естествен. науки, 41 год).

Эффективное функционирование сферы науки и образования невозможно без долгосрочного планирования приоритетных направлений развития: определение участников процесса, целей и задач развития, показателей обеспечения образовательных программ, бюджета, приоритетов развития и ожидаемых результатов. Администрация вузов должна определять ресурсную базу для научно-образовательной деятельности, а также ответственных лиц за ее реализацию. Однако в большинстве случаев управленческий аппарат вузов не только не решает организационные вопросы, перекладывая ответственность на структурные подразделения и научно-педагогических работников, но часто, наоборот, осложняет работу ученых и преподавателей, создавая непрерывный поток новых распоряжений, приказов и других бюрократических директив.

Все респонденты, участвующие в фокус-группах, в обсуждении *институциональной ловушки возрастающей бюрократии* отметили колоссальную нагрузку, связанную с подготовкой отчетов и различных видов документации, которая отвлекает преподавателей и ученых от основной научно-образовательной деятельности. Рассмотрим несколько высказываний, отражающих мнение ученых и преподавателей о проблемах бюрократизации в сфере образования и науки: *«Как раз аккредитация выпала на то время, когда я был руководителем программы и основной удар сказали, что будет на мою программу и надо было все привести в порядок. Полтора года я ничем не занимался, я на это время заморозил написание статей для докторской диссертации. Аккредитация забрала очень много времени и сил» (доцент, естествен. науки, 45 лет).*

«Я думаю, что я выскажу общее мнение, так как совсем недавно мы проходили аккредитацию. Это было что-то страшное! Мы постоянно видим, что что-то все время изменяется, приходят какие-то документы, регламенты, положения, правила и мы вынуждены опять перерабатывать те документы. Вот это, действительно, просто боль, потому что я не один год в этом варюсь и это действительно трагедия. Честно говоря, я выхода из этой трагедии не вижу, учитывая современную сложившуюся ситуацию» (доцент, естествен. науки, 45 лет).

Оптимизация сферы образования и науки в России осуществляется через внедрение управленческих технологий, связанных с неолиберальной доктриной, которая абсолютизирует рыночный механизм как единственный способ достижения истинного знания, эффективности и гармонии (Вольчик, 2018). Неолиберальная доктрина основывается на двух моральных принципах: конкурентность и индивидуализм, которые вступают в противоречие с устоявшимися традициями, сформировавшимися в сфере образования, науки и основанными на сотрудничестве, альтруизме и солидарности.

«Вообще наша жизнь вся основана на конкуренции, но разжигать специально это, особенно между сотрудниками кафедры, где у нас микроколлектив, малая группа – это, на мой взгляд, абсолютно неперспективно, неэффективно» (профессор, обществ. науки, 51 год).

В сфере образования создаются условия для формирования конкуренции рыночного типа среди акторов, происходит маркетизация образования, которая парадоксальным образом порождает дальнейший рост бюрократизации. При этом акторы, управляющие оптимизацией в сфере образования и науки, в качестве целей ставят количественные показатели, которые направлены на сокращение расходов, сокращение научно-образовательных учреждений, структурных подразделений, преподавателей и ученых. Управляемые акторы, в свою очередь, вынуждены выбирать адаптивное поведение в форме послушания, так как не видят другого выхода, они вынуждены приспосабливаться к проводимым реформам, что в конечном итоге оказывает негативное воздействие на их мотивацию к научной и образовательной деятельности (Вольчик, 2019).

«Я считаю, что никак нельзя это решить и скорее всего, бюрократизация образования – это та институциональная ловушка, с которой нам придется смириться. Для того, чтобы решить эту проблему нужна, безусловно, политическая воля министерства, но если они решат эту политическую волю проявить, тогда им всем придется дружно взяться за руки и написать заявление об увольнении, на это они не пойдут. То же касается и на уровне управления в вузе, вот здесь уже университет, в свою очередь, мог бы проявить политическую волю и смягчать тот удар, который идет сверху» (доцент, обществ. науки, 30 лет).

В качестве одного из выходов из ловушки возрастающей бюрократии акторы предлагают использование имитационной практики как одного из способов защиты от непрерывного роста отчетов, распоряжений, указов и т.д. *«Если мы берем чиновника от образования на любом уровне: региональном, местном, на федеральном, каждый создает себе фронт работы. Мы понимаем, что все государственное управление, управление в образовании основано на бюрократии, но не будет бюрократии, не будет государства. Поэтому, как бы нам ни было тяжело, единственный способ защиты – это имитационные практики. Единственное решение – смириться и выработать какие-то шаблоны наиболее простого решения тех проблем, которые каждый день перед нами возникают» (доцент, обществ. науки, 30 лет).*

Следует отметить, что исследуя ловушку возрастающей бюрократии, мы сталкиваемся с менеджеризмом, с наличием проблем обратной связи между управленцами и научно-педагогическими работниками. В большинстве случаев управленцы не знают и не понимают специфику, а также особенности деятельности преподавателей и ученых, не вступают с ними в непосредственное общение, предпочитая контролировать их через различные количественные показатели и отчетную документацию.

Особую озабоченность у акторов сферы высшего образования вызывает зарегулированность научной и образовательной деятельности различными управленческими директивами, непрерывным ростом трудозатрат для выполнения отчетной деятельности. Выходом из создавшейся и часто кажущейся тупиковой ситуации может стать реализация целого комплекса мер, которые были предложены акторами во время дискуссии (табл. 1).

Приведем несколько фрагментов обсуждения механизмов выхода из ловушки возрастающей бюрократии из дискуссии фокус-групп: *«Я руководитель программы набора и мне приходится почти каждый год переделывать всю документацию программы набора по новым требованиям и стандартам. Пусть этот объём делается, но раз в 4 года в бакалавриате и раз в 2 года в магистратуре, потому что такое количество преподавателей задействовано, такое количество сил и бюрократия здесь просто потрясающая, столько бумаг сопровождающих нужно собрать» (доцент естествен. науки, 67 лет).*

«.....момент второй – расширение существенное электронного документооборота, то есть все эти огромные распечатки бумаг и самое главное – механизм хождения этих бумаг должен быть усовершенствован». (доцент, обществен. науки, 44 года).

Начиная с 90-х гг. XX в. сфера образования и науки находятся в состоянии *хронического недофинансирования*, которое негативно влияет на ресурсное обеспечение образовательной и научной деятельности. В условиях оптимизации к недостаточному финансированию добавилось также сокращение количество научных фондов, финансирующих грантовые исследования,

маркетизация высшего образования, а также введение нормативно-подушевого финансирования. Несмотря на то, что высшее образование в России выполняет социальные функции и относится к общественному сектору экономики, в оценке его деятельности применяются рыночные критерии эффективности, которые в основном направлены на решение краткосрочных локальных целей (short-termism) и негативно сказываются на формировании будущего научно-образовательного потенциала.

Респонденты, участвующие в фокус-группах, отмечают *«гигантский дефицит в обновлении лабораторной базы, оборудования, которые необходимы для подготовки будущих специалистов и реализации научных исследований. Многие химические реактивы, которые используются, у нас с 70–80-х гг. XX в. У них на лейблочках так и написано: «Произведено в СССР» черт знает каких годов. Научные статьи, попадающие в первый квартиль по классификации журналов, практически все они были опубликованы в сотрудничестве с международными группами. В данном случае наши исследователи, с учетом того, что оборудования у нас высококласного для исследований нет, пользуются оборудованием, которое есть там. Не мы генерируем тематики, которые дают эти публикации, а их генерируют там. Мы выполняем роль неких подельщиков, которых могут подсоединить к этому, а может быть и нет. Поэтому встает вопрос об устойчивости этих направлений развития. Чтобы быть устойчивыми в этом плане, мы должны иметь свои собственные тематики. (доцент, естествен. науки, 56 лет).*

Ловушка дефицита финансирования тесно взаимосвязана с введением нормативно-подушевого финансирования, которое отражает зависимость количества обучаемых студентов на одного преподавателя. Этот показатель, по мнению респондентов, стал одной из метрик, которая разрушает образовательную систему изнутри. Вузам экономически невыгодно отчислять неуспевающих студентов. Нормативно-подушевое финансирование снижает качество образования, увеличивает нагрузку у преподавателей, ставит под угрозу воспроизводство кадрового потенциала и повышает риск нестабильности в научной и образовательной деятельности. Приведем один из примеров обсуждения в фокус-группах проблем, связанных с нормативно-подушевым финансированием: *«к сожалению, констатирую, что нормативно-подушевое финансирование – это пропасть, если мы будем привязаны к показателям по количеству. Мы не заинтересованы ставить двойки, иначе нас уволят. Мы все находимся под дамокловым мечом: поставишь «двойку» – тебя сократят. И это как раз является основным фактором снижения качества образования. Никто не отменял в природе естественный отбор, и он должен быть и в высшем образовании» (доцент, естествен. науки, 67 лет).*

В качестве мер, направленных на преодоление институциональной ловушки дефицита финансирования, акторы сферы образования и науки предлагают, прежде всего, отмену или изменение количественного критерия нормативно-подушевого финансирования; увеличение финансирования науки и образования; увеличение количества фондов, оказывающих грантовую поддержку научным исследованиям, а также оптимизацию финансовых средств, которые имеются в университете (сокращение расходов на непрофильные нужды).

Как уже упоминалось ранее, проблема нормативно-подушевого финансирования порождает *ловушку редукации качества образования*, которая связана с усилением пассивности студентов, снижением уровня и качества образования, увеличением количества часов самостоятельной работы, загруженностью преподавателя, снижением уровня подготовки выпускников школ, переходом от специалитета к бакалавриату и магистратуре.

«Нынешние хорошисты – лет 10–15 назад – это были троечники, нынешние пятерочники – это не всегда пятерочники, это хорошисты, а троечники – это двоечники, они вообще ничего не знают. И когда преподаватель оценивает студента, перед ним вообще не должно стоять такой дилеммы: двойку ставить нельзя, потому что его студента отчислят, значит количество ставок в институте сократится» (доцент, естествен. науки, 45 лет).

«Те требования, которые на нас накладывает наше государство и руководство, заключается в том, что в магистратуру должны прийти люди, не являющиеся нашими выпускниками, а это контингент, который может быть совсем не подготовлен к данной специальности. Нам

приходилось учить в магистратуре по математическому образованию людей, которые вообще не имеют базового математического образования» (доцент, техн. науки, 46 лет).

Неэффективность и противоречивость данной институциональной ловушки, по мнению респондентов фокус-групп, проявляется в процессе девальвации смыслов, когда форма, которая доминирует в количественных показателях, заменяет собой содержание, а также в имитационной модели поведения преподавателей. Так, количественные показатели мониторинга уровня остаточных знаний студентов, отражающие качество образования в вузе, средний тестовый балл ЕГЭ по ряду дисциплин у выпускников школ демонстрируют рост по сравнению с предыдущими годами, но при этом большинство преподавателей, участвующих в дискуссиях фокус-групп, наоборот, отмечают снижение качества подготовки как выпускников школ, так и обучающихся студентов. Сами преподаватели в некоторых случаях вынуждены завышать оценки студентам, чтобы демонстрировать прогресс образовательной деятельности, который отражают различные количественные индикаторы.

Негативное влияние на качество образования, по мнению респондентов, проявляется в процессе организации учебного процесса, введении новых стандартов обучения: увеличение срока пересдач задолженностей до года, увеличение количества часов самостоятельной работы, которую студенты воспринимают не как время, необходимое для работы с учебно-методическими пособиями, научными статьями, работы в библиотеках и т.д., а свободное время, которое студенты могут использовать в своих личных целях (отдых, досуг, работа).

«Сейчас любой задолжник может в течение года пересдавать задолженность по предмету, и зачастую он измором берет преподавателя, и преподаватель уже просто вынужден, когда он ходит по 7–8 раз, ему выставить зачет или экзамен» (доцент, гуманитар. науки, 50 лет).

«В целом бакалаврская система, когда у бакалавров, да и у магистров тоже, по 3–4 учебных дня в неделю, а остальное время – дни свободного посещения, приводит к тому, что до половины группы магистров и до 1/3 группы бакалавров после 2 курса уже устраиваются на работу и ходят на занятия когда у них есть свободное время» (доцент, естествен. науки, 45 лет).

Один из респондентов отметил, что в вузах происходит не только редукция качества образования, но и обесценивание самого образования, а также личности преподавателя. *«Я бы хотел высказаться, что идет не только редукция качества вузовского образования, дело в том, что идет редукция ценности самого образования и редукция ценности личности преподавателя. Если в древности преподаватель – это был жрец в храме, то есть, собственно говоря, наставник от имени Бога, то сейчас мне кажется, что преподаватель как бы очень сильно потерял этот статус и где-то на уровне обслуживающего персонала: иди сюда, дай сюда и иди отсюда» (доцент, гуманитар. науки, 60 лет).*

Для того чтобы решить проблему качества образования необходимо, по мнению респондентов, участвующих в фокус-группе, необходимо устранить негативное влияние нормативно-подушевого финансирования, которое как дамоклов меч висит над преподавателем, ужесточить требования к студентам, изменить систему аттестации студентов, расширить академические свободы для преподавателей и снизить их бюрократическую загруженность.

Для перспективного среднесрочного и долгосрочного развития российской системы образования и науки необходимо обеспечить прежде всего преемственность научных школ, сохранение передачи опыта, знаний будущим поколениям. Однако реформа оптимизации сферы образования и науки, которая реализуется в настоящее время, не позволяет воспроизводить научно-педагогические кадры. Сформировалась ловушка кадрового потенциала, характеризующаяся сокращением численности преподавателей и ученых, разрушением научных школ, снижением мотивации молодых специалистов к образовательной и научной деятельности. Эта институциональная ловушка может стать одним из главных факторов, который в будущем будет тормозить социально-экономическое, технологическое и инновационное развитие общества. Образование, наука и экономика – это сообщающиеся сосуды, которые обуславливают эффективность взаимного развития.

Актеры, участвующие в фокус-группах, в своих дискурсах выделили следующие причины неэффективности институтов, связанных с ловушкой кадрового потенциала: несовершенство системы замещения вакантных должностей профессорско-преподавательского состава; отсутствие стабильности в выбранной профессии; проблема защиты диссертаций; низкая заработная плата и маленькая стипендия для привлечения молодых специалистов.

Для решения проблемы кадрового потенциала и создания комфортной среды для его воспроизводства необходимо, прежде всего, повысить заработную плату для преподавателей и ученых, которая была бы сопоставима с интеллектуальными, физическими и материальными затратами для реализации соответствующей деятельности; создать стабильные и перспективные условия работы для молодых специалистов; выплачивать стимулирующие надбавки для молодых специалистов; оказывать помощь в решении жилищного вопроса для молодых преподавателей и ученых.

«Наука и образование, в отличие от многих других сфер, – это такая сфера, где чтобы стать специалистом, требуется минимум 10–15 лет напряженной научной работы, а до этого времени зарплата, как правило, в лучшем случае не превышает 20–25 тыс. руб., это в лучшем случае. Обычно она гораздо меньше, 10 тысяч. А эту зарплату, в лучшем случае 20–25 тыс. руб., они могут иметь, эти студенты, работая вне системы образования, я бы сказал, легко. Да, конечно, преподаватели стараются привлечь лучших студентов для поступления в аспирантуру, но недостаток финансирования малые стипендии и зарплаты приводят к тому, что студенты теряют интерес к науке, мотивация падает, они ищут другие места для подработки, и от этого страдает научная деятельность. Нужно определиться на государственном уровне с системой ценностей, чтобы сказать, какой человек нам нужен, со школы кого мы готовим – потребителя?» (доцент, естествен. науки, 45 лет).

Масштабные технологические изменения, связанные с распространением коронавирусной инфекции, актуализировали проблему электронизации и цифровизации в системе высшего образования и науки в России. Тотальное внедрение дистанционных технологий породило внедрение новых правил и практик в системе высшего образования, которые способствовали формированию и закреплению неэффективных институтов в сфере образования и науки. Все респонденты, участвующие в фокус-группах, были участниками дистанционных форм организации учебного процесса и имели опыт работы с цифровыми технологиями, который отразили в дискурсах, посвященных *институциональной ловушке цифровизации и электронизации*.

Практически все актеры сферы высшего образования и науки отметили, что столкнулись в своей работе с негативными проявлениями тотального внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс и высказались отрицательно за полный переход к дистанционным формам обучения.

«Есть идея оптимизации, оптимизации методов обучения, дистанционная форма образования должна сочетаться с традиционными, и где-то это подспорье. Ведь никто не против, если выдающийся ученый прочитает лекцию нашим студентам в дистанционном формате? Почему бы такое не приветствовать? Но делать дистанционные формы как основные – это гибель для образования» (доцент, техническ. науки, 46 лет)

Среди причин неэффективности и обострения противоречий ловушки цифровизации и электронизации в условиях противодействия распространению коронавирусной инфекции, актеры сферы образования и науки выделили следующие: сокращение рабочего времени для реализации научной и образовательной деятельности; дополнительные финансовые вложения для организации дистанционной формы обучения; отсутствие возможности обучения для естественно-научных направлений в лабораториях; проблема организации летних практик; потеря неявного знания от преподавателя к студенту; сокращение аудиторной нагрузки и, как следствие, штата и сокращение ППС; сложности контроля и оценки знаний студентов; низкий уровень обратной связи от студентов во время онлайн-лекций. В качестве примеров рассмотрим несколько дискурсов респондентов в отношении ловушки цифровизации и электронизации.

«Я скажу, что в лаборатории работать дистанционно невозможно» (доцент, естествен. науки, 56 лет).

«Дистанционная форма образования, как я считаю, может быть как курсы повышения квалификации или как дополнительное образование, но не как основное образование, потому что в связи с цифровизацией и электронизацией процессов у профессорско-преподавательского состава возникают опасения. Цифровизация предметов, переход на дистанционные формы ведет к сокращению аудиторной нагрузки и, как следствие, штата и сокращения ППС, такие опасения есть. Кроме этого, само дистанционное обучение не может заменить аудиторные часы и непосредственно общение преподавателя и студентов» (доцент, естествен. науки, 45 лет).

С одной стороны, карантинные меры стали благоприятным поводом для тотального внедрения дистанционных технологий, с другой стороны – они вскрыли проблемы, которые ранее рассматривались акторами в качестве возможного позитивного эффекта от внедрения цифровизации и электронизации: иллюзия экономии времени, удаленный менеджмент возросшего количества электронных форм отчетности, рост имплицитных издержек, связанных с дополнительной психологической и временной нагрузкой на фоне экономии времени, связанного с перемещением (Вольчик, Ширяев, 2020).

В качестве мер, направленных на преодоление негативных эффектов и обострения противоречий от тотального внедрения дистанционных форм обучения, акторы сферы образования и науки предложили разработать нормативно-правовое регулирование процесса цифровизации и электронизации высшего образования, с определением ресурсной базы обеспечения данного процесса, расчета материальных и временных затрат преподавателей и ученых, экспертной оценки качества образовательных программ в формате онлайн, регламентации контроля и оценок знаний студентов, определением возможностей социализации студентов и передачи неявного знания от преподавателя к студенту, дифференцированным подходом к разным специальностям и направлениям подготовки. Кроме того, респонденты, участвующие в фокус-группах, отметили, что дистанционная форма образования может реализовываться через курсы повышения квалификации или как дополнительное образование, но не как основное.

Выводы

Проведенный анализ основных характеристик институциональных ловушек в сфере образования и науки, а также мер, направленных на их преодоление, которые были идентифицированы с помощью выявления мнения респондентов, участвующих в фокус-группах и глубинных интервью, позволил обобщить и детерминировать следующие механизмы преодоления институциональных ловушек: осуществление долгосрочного планирования научной и образовательной деятельности с определением ресурсной базы и ответственных лиц; расширение академических свобод преподавателям и ученым; введение дифференцированного подхода к деятельности различных направлений подготовки и исследований; снижение бюрократической загруженности преподавателей; введение и расширение электронного документооборота; увеличение финансирования науки и образования; отмена существующих количественных критериев нормативно-подушевого финансирования; ужесточение требований к студентам, их отношению к учебе, пересмотр системы аттестации студентов; создание стабильных условий для работы молодых специалистов и повышение оплаты труда для преподавателей и ученых; нормативно-правовое регулирование процесса цифровизации и электронизации высшего образования.

Меры по преодолению институциональных ловушек, конечно, требуют дальнейших исследований, в ходе которых возможно выделение новых дисфункций институтов. Некоторые ловушки, возможно, будут преодолены в ближайшее время в ходе реализации государственной политики в сфере образования и науки.

Перечисленные механизмы преодоления институциональных ловушек охватывают организационные рутины, механизмы регулирования различных уровней, а также формальные

и неформальные институты, составляющие институциональную среду сферы образования и науки. Внедрение институциональных и организационных инноваций для преодоления негативных эффектов институциональных ловушек прежде всего зависит от коллективных действий акторов, заинтересованных в динамичном развитии академической сферы. И первым шагом для изменения ситуации к лучшему является понимание происходящих процессов в сфере образования и науки, важность которого всегда подчеркивается в рамках исходного институционализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багдасарьян, И.С., Миронова, Е.С. (2017). Импорт институтов в российской экономике // *Постулат*, 2.

Бейкер, Р. et al. (2016). Отчёт рабочей группы AAPOR о неслучайных выборках: июнь 2013. Пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой; под ред. А. Чурикова. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение».

Белокрылова, О.С. (2006). Императивы институционализации взаимодействия бизнеса и власти в местном социуме / Постсоветский институционализм – 2006. Власть и бизнес. Монография / Под ред. Р.М. Нуреева. Ростов н/Д: Наука-Пресс, с. 295.

Белокрылова, О.С., Жук, А.А. (2007). Институционализация конкурентной среды посткризисной экономики. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ.

Вольчик, В.В. (2018). Восхождение метрик // *TERRA ECONOMICUS*, 16(4), 10.

Вольчик, В.В. (2019). Институциональные ловушки в сфере образования и науки в условиях оптимизации // *Журнал экономической теории*, 16(4), 783–795.

Вольчик, В.В. (2004). Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 2(2), 55.

Вольчик, В.В., Фурса, Е.В., Оганесян, А.А., Кривошеева-Медянцева, Д.Д. (2016). Адаптивное поведение и институты в организации учебного процесса // *TERRA ECONOMICUS*, 14(4), 127–128.

Вольчик, В.В., Ширяев, И.М. (2020). Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // *Актуальные проблемы экономики и права*, 14(2), 242–243.

Вольчик, В.В., Кривошеева-Медянцева, Д.Д. (2016). Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 8(2).

Грэхэм, Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Жук, А.А. (2011). Провалы институционального строительства конкурентной среды // *Экономические науки*, 5(78), 48.

Жук, А.А., Фурса, Е.В. (2019). Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 11(1), 176–193.

Квале, С. (2003). Исследовательское интервью. М.: Смысл.

Клейнер, Г.Б. (2005). Модернизация экономики и «выращивание» институтов: взгляд «снизу» (<http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/guvsi-2005.pdf> – Дата обращения: 05.10.2019).

Клейнер, Г.Б. (2005). Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? / Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: «Каштан», с. 408.

Кузьминов, Я., Радаев, В., Яковлев, А., Ясин, Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*, 5, 5.

Курбатова, М.В., Левин, С.Н. (2013). Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*, 5(1), 75.

Лесных, В.В., Попов, Е.В. (2008). Системный подход к проблеме импорта институтов в российскую экономику // *Вестник УГТУ-УПИ*, 2.

Мальгин, В.А. (2007). Импорт институтов и критерии оценки его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*, 1(1), 32.

Олейник, А.Н. (2005). Институциональный трансферт: субъекты и ограничения (российский случай в глобальном контексте) / *Постсоветский институционализм* / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: «Каштан», с. 434.

Пахомова, Н.В., Малышков Г.Б. (2012). Модернизация российского экологического законодательства и импорт институтов: экономико-правовой анализ // *Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика*, 3, 20–35.

Полтерович, В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, 3, с. 24.

Тамбовцев, В.Л. (1997). Теоретические вопросы институционального проектирования // *Вопросы экономики*, 3.

Тамбовцев, В.Л. (2018). О научной обоснованности научной политики в РФ // *Вопросы экономики*, (2), 5–32.

Цирель, С.В. (2005). «Qwerty-эффекты», «path dependence» и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // *Terra Economicus*, 3(3), 44–56.

Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. (2005). Public sector efficiency: An international comparison. *Public Choice*, 123, pp. 321–347. <https://doi.org/10.1007/s11127-005-7165-2>.

Arthur, W.B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The economic journal*, 99(394), 116–131.

Beazer, W.F. (1966). Expected income changes and the lock-in effect of the capital gains tax. *National Tax Journal*, 19(3), 308–318.

Chari, V.V., Golosov, M., Tsyvinski, A. (2003). Business start-ups, the lock-in effect, and capital gains taxation. Working paper, University of Minnesota.

David, P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *The American economic review*, 75(2), 332–337.

Foxon, T.J. (2002). Technological and institutional 'lock-in' as a barrier to sustainable innovation. Imperial College Centre for Policy and Technology Working Paper.

Klein, P. (1998). The capital gain lock-in effect with short sales constraints. *Journal of Banking & Finance*, 22(12), 1533–1558.

Veblen, T. (2017). *The theory of the leisure class*. Routledge.

Wenting, R., Frenken, K. (2011). Firm entry and institutional lock-in: an organizational ecology analysis of the global fashion design industry. *Industrial and Corporate Change*, 20(4), 1031–1048.

Yamazaki, F. (1996). The lock-in effect of capital gains taxation on land use. *Journal of Urban Economics*, 39(2), 216–228.

Yitzhaki, S. (1979). An empirical test of the lock-in-effect of the capital gains tax. *The review of economics and statistics*, 626–629.

REFERENCES

Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. (2005). Public sector efficiency: An international comparison. *Public Choice*, 123, 321–347. <https://doi.org/10.1007/s11127-005-7165-2>.

Arthur, W. B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The economic journal*, 99(394), 116–131.

Bagdasaryan, I.S., Mironova, E.S. (2017). Import of institutions in the Russian economy // *Postulate*, 2. (In Russian).

Baker, R. et al. (2016). Report of the AAPOR Task Force on Non-probability Sampling. Moscow: Public Opinion Foundation. (In Russian).

Beazer, W.F. (1966). Expected income changes and the lock-in effect of the capital gains tax. *National Tax Journal*, 19(3), 308–318.

Belokrylova, O.S. (2006). Imperatives of institutionalization of interaction between business and government in local society / Post-Soviet institutionalism – 2006. Power and business. Monograph / Ed. R.M. Nureyev. Rostov n / D: Science-Press, p. 295. (In Russian).

Belokrylova, O.S., Zhuk, A.A. (2007). Institutional Transformation of Competitive Environment. Rostov-on-Don: SFedU (In Russian).

Chari, V.V., Golosov, M., Tsyvinski, A. (2003). Business start-ups, the lock-in effect, and capital gains taxation. Working paper, University of Minnesota.

David, P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *The American economic review*, 75(2), 332–337.

Foxon, T.J. (2002). Technological and institutional ‘lock-in’ as a barrier to sustainable innovation. Imperial College Centre for Policy and Technology Working Paper.

Graham, L. (2014). Will Russia be able to compete? A history of innovation in tsarist, Soviet and modern Russia. M.: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian).

Klein, P. (1998). The capital gain lock-in effect with short sales constraints. *Journal of Banking & Finance*, 22(12), 1533–1558.

Kleiner, G.B. (2005). Institutional Change: Design, Breeding or Prosthetics? / Post-Soviet institutionalism / Ed. R.M. Nureyev, V.V. Dementieva. Donetsk: “Kashtan”, p. 408. (In Russian).

Kleiner, G.B. (2005). Modernization of the economy and “growing” institutions: a view “from below” // Access mode: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/guvs-2005.pdf> – Accessed Date: 05.10.2019). (In Russian).

Kurbatova, M.V., Levin, S.N. (2013). Effective contract in the system of higher education in the Russian Federation: theoretical approaches and features of institutional design. *Journal of institutional studies (Journal of institutional studies)*, 5(1), p. 75. (In Russian).

Kuzminov, Y., Radaev, V., Yakovlev, A., Yasin, E. (2005). Institutions: from borrowing to growing. *Problems of Economics*, 5, p. 5. (In Russian).

Kvale, S. (2003). Researching interview / S. Kvale. Moscow. (In Russian).

Lesnykh, V.V., Popov E.V. (2008). A systematic approach to the problem of import of institutions into the Russian economy. *Vestnik USTU-UPI*, 2. (In Russian).

Malgin, V.A. (2007). Import of institutions and criteria for assessing its effectiveness. *Actual problems of economics and law*, 11, p. 32 (In Russian).

Oleinik, A.N. (2005). Institutional transfer: subjects and constraints (the Russian case in a global context) / Post-Soviet institutionalism / Ed. R.M. Nureyev, V.V. Dementieva. Donetsk: “Kashtan”, p. 434. (In Russian).

Pakhomova, N.V., Malyshkov, G.B. (2012). Modernization of Russian environmental legislation and the import of institutions: economic and legal analysis // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 5: Economics, 3, p. 20–35. (In Russian).

Polterovich, V.M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economic science of modern Russia*, 3, p. 24. (In Russian).

Tamboutsev, V.L. (1997). Theoretical issues of institutional design. *Economic Issues*, 3. (In Russian).

Tamboutsev, V.L. (2018). On the scientific substantiation of scientific policy in the Russian Federation. *Economics*, 2, 5–32. (In Russian).

Tsirel, S.V. (2005). “Qwerty-effects”, “path dependence” and Sedov’s law or is it possible to grow stable institutions in Russia. *Terra Economicus*, 3(3), 44–56. (In Russian).

Veblen, T. (2017). The theory of the leisure class. Routledge.

Vol’chik, V.V. (2018). The rise of metrics. *Terra Economicus*, 16(4), (10) (In Russian).

Vol’chik, V.V. (2019). Institutional traps in the sphere of education and science under optimization. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 16(4), 783–795 (In Russian).

Vol’chik, V.V. Fursa, E.V., Oganessian, A.A., Krivosheeva-Medyantseva, D.D. (2016). Adaptive behavior and institutions: examining the organization of higher education in Russia. *Terra Economicus*, 13(2), 127–128 (In Russian).

Vol'chik, V.V., Shiriaev, I.M. (2020). Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps, Economics and national economy management. *Actual problems of economics and law*, 14(2), 242–243 (In Russian).

Vol'chik, V.V. (2004). Neutral markets, non-neutral institutions and economic evolution. *Economic Bulletin of Rostov State University*, 2(2), . 55 (In Russian).

Vol'chik, V.V., Krivosheeva-Medyantseva, D.D. (2016). Reforms in higher education: the role of institutions and social capital. *Journal of Institutional Studies*, 8(2) (In Russian).

Wenting, R., Frenken, K. (2011). Firm entry and institutional lock-in: an organizational ecology analysis of the global fashion design industry. *Industrial and Corporate Change*, 20(4), 1031–1048.

Yamazaki, F. (1996). The lock-in effect of capital gains taxation on land use. *Journal of Urban Economics*, 39(2), 216–228.

Yitzhaki, S. (1979). An empirical test of the lock-in-effect of the capital gains tax. *The review of economics and statistics*, 626–629.

Zhuk A.A., Fursa E.V. (2019). Narrative analysis of institutional traps in the sphere of education and science in Russia. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovani)*, 11(1), 176–193 (In Russian).

Zhuk A.A. (2011). Failures of the institutional construction of a competitive environment. *Economic sciences*, 5(78), 48. (In Russian)